
Уселся на детской площадке
И стал умирать.
Жаль, ведь почти
Дошел до дома.

В сердце что-то случилось,
И вот я буду тихо сидеть
Может быть, что-нибудь
Бормотать

И стонать,
Пока не
Придет маленький мальчик
С маской черта.

Всё замедляется и становится
Ясным как на ладони,
Но в голову лезет,
Как и всегда,
Ерунда.
Неожиданно вспоминаю
Сомнительный факт
О первом говне младенца.
Якобы оно обладает
Уникальными свойствами
Но не только целебными,
Это что-то вроде
Философского камня,
 Хищные богатые старики
С искусственными мембранами
Вместо гортаней
Готовы на массовые убийства
Ради хоть грамма
Говна младенца
Прямиком из роддома.

Знакомый молодой отец
Говорил недавно,
Что зрелище первого говна
Необыкновенно.
Это как будто шоколад
Из инобытия,
Пища богов или демонов,
Подлинная амброзия.

Вот о таком думаю
Напоследок,
Юродством и чепухой
Пропитан я
До последней капли.

Вдруг пропадает дыхание,
Начинаю выть,
Пытаюсь зарыться в землю.
Я был рожден человеком,
Но умираю кротом,
Ослепленным ужасом
Перед смертью.

И тут ты издаешь кашель,
Такой вежливый, кхе-кхе,
Все это время ты стоишь рядом,
Наблюдая эту
Омерзительную трагикомедию.
Видно, что едва сдерживаешься,
Чтобы не убежать,
Не такого досуга ты ожидала,
Наверно, сходясь
С магистром
Изящных искусств
В шортах выше колена.

* * *

В детстве мне читали не книги,
А заклинания.
Болезни определяли
При помощи маятника,

А лечили
Наложением рук.
Русалки и домовые были
Куда реальнее,
Чем учительница химии
Татьяна Викторовна,
Черноволосая стерва,
Похожая на засохшее
Мертвое дерево,
Которое обрело
Подвижность и речь.
Вообще, девяностые –
Это такое время,
Когда особенно
Выбора не было,
Все становились
Банкирами или вампирами,
А я в экономике
Не был слишком хорош.

Но сейчас жизнь другая,
Молодежь выбирает
Научпоп, трансгуманизм,
Покорение Марса
И антидепрессанты.
Бог и дьявол у вас –
Это детские сказочки,
Вот только
Выглядите вы так,
Как будто
Бешеные обезьянки
Дергают за извилины
У вас в голове.

Это вообще разговор долгий, милая,
Просто ты представительница
Этого нового поколения,
И я к тому, что иногда просто
Легче сказать: ты хреново готовишь,
Чем рассказать тебе всё как есть.

Цирк карликов

Я отдыхал в Крыму
С мамой и бабушкой.
Однажды мама сказала:
«Как интересно, к нам приехал
Цирк карликов,
Давайте посмотрим,
Что нам покажет этот
Маленький смешной народец».
Мы сели в первый ряд,
И как только началось
Представление,
Карлики вызвали меня
На сцену,
Они заставляли меня прыгать
С завязанными глазами.
Они шептали мне:
«Прыгай, прыгай! –
Своими нечеловеческими голосами.
– Прыгай, малыш, прыгай в черноту» –
И вообще издевались по-всякому
На глазах у сотен людей.
Я разглядел их достаточно близко
И пришел в ужас.
У них была нечеловеческая кожа,

Не женские и не мужские голоса,
И сами они,
Полустарики-полудети.
Полудети-полустарики.
В карликах есть что-то
Потустороннее,
И я до сих пор слышу
Их голоса: «Прыгай, прыгай!»
Сладкие голоса сирен.

Встреча двух писателей

Они встретились в блинной
На Курской,
Чтобы обсудить
Творческие задумки.
Сверить часы, так сказать.
Писатель №1 выразил
Негативное отношение
К социальной группе «рэперы».
Им все легко достается,
Написали тят-ляп что-то,
Минусок наложили
Какой-нибудь –
И вот уже бабы в гримерке
Дерутся за твой член.
А ты сидишь целый год, мучаешься,
А в итоге...

Хуже только художники.
Тят-ляп что-то там нахреначили
И подождгли,
И теперь дают интервью

На «Эхе Москвы».
И на «Дожде» иногда бывают.
А ты сидишь, два года мучаешься...
А эти суки неблагодарные...

А ты что, над чем-то работаешь?
Да вот, ну как сказать. Пописываю.
Про что? Ну сам понимаешь, вопрос
Довольно-таки тупой,
Прямо скажем.
Ну, там про парня,
Который переживает кризис.
Работает в сфере журналистики,
И с бабами у него
Как-то не очень клеится.
В общем, так сразу и не объяснишь.
А ты пишешь что-нибудь?
Да вот, скорее обдумываю.
Ты только не смейся, но я
Изучаю вопрос
Туалетной бумаги.
Он не так прост, как, может,
Тебе покажется.
Вот у нас в коммуналке питерской
Она все время куда-то девается.
Только куплю новую,
Успею пару раз
Воспользоваться –
А ее уже нет.
В общем, обдумываю,
Как это переосмыслить
Художественно. Вот, я же просил –
Не смейся.

А я смеюсь не над туалетной
Бумагой,
А над тем, что наша жизнь
Кончена,
Нашу жизнь мы,
Как вино дешевое, выссали
В дырку в ржавой раковине.
Нам обоим конец.

Женщина с двумя детьми

Мы жили вместе, ты и я,
И два твоих сына.
Ты боялась выйти на лестницу,
Потому что соседка
Недавно повесилась,
Ты не хотела встречать ее призрак,
И я гулял с ними один.

Твой старший сын был мечтателем
И хотел знать все о монстрах
На дне морском.

Младший был религиозным фанатиком
И спрашивал,
В какой церкви меня крестили,
Каждые полчаса.

Мы гуляли, и мне это,
В общем, нравилось.
Но я думал о том, к каким
Интересным последствиям

Иногда приводит
Просьба женщины
Помочь ей вычитать титры
В комнате видеомонтажа.

* * *

На Елагином острове
Встретил дуб,
Которому тысяча лет на вид.
Черный, пузатый, страшный
Корни уходят так глубоко,
Что щекочут пятки
Дохристианским праведникам.

Еще при Пушкине этот дуб
Был глубоким старцем,
Он скрипел жалобно:
«Последний год живу,
Вот увидишь, Саша».
Пушкин глядел на него
Из брички, несшей его
На дуэль.
Он вообще много где колесил
Перед дуэлью,
Как-то не рвался особо
На Черную речку,
В какой-то момент
Даже вышел
В районе
Проспекта Медиков,
Смотрел на снежную степь,
На которой когда-то появится
ЖК «Европа-Сити»

С автоматами
Для собачьего говна и мной.
Он смотрел и смотрел
Своим голубым ледяным глазом
Как у арийского старика,
Зачем-то вживленным
В его вертлявую
Пуделью голову.

Хочется прочитать большой роман
О том, как Пушкин едет
На место дуэли,
О чем думает,
Что видит, что делает,
И чтобы была надежда
Хотя бы до середины –
Нет, сейчас что-то произойдет,
Его похитят марсиане,
Заставят выступать
В марсианском стриптиз-клубе,
Типа как в фильме «Мэджик Майк».
Пушкин влюбится в марсианку
С рыбьим хвостом
И щупальцем,
Растущим из подбородка,
Будет стрелять
Из бластера в потолок
И никогда не вспомнит,
Что писал
Рифмованные предложения.

Но нет, в конце
Ему прострелят кишечник
И лопнет его голубой глаз,

Казавшийся инородным,
Нормальный финал
Для неспешного
Тысячестраничного романа.
Эх, старый дуб,
На Елагином острове
В парке,
Вход в который
Стоит сто рублей,
А на кладбище погулять — четыреста.
В Петербурге вообще
Смерть и зверский капитализм, объединив-
шись,
Давно победили.